

ВРЕМЯ ПЕРЕЛОМОВ

С.С. Неретина
Институт философии РАН

Аннотация: Речь в статье пойдёт о начале движения инакомыслящих, ростки которого появились ещё в конце Второй мировой войны, и об отличии первых оппозиционных властей групп от диссидентского движения 1960-х годов. Первые группы – это возникшее в 1945 г. студенческое «Братство нищих сибаритов» и группа профессиональных историков Краснопевцева-Ренделя, пытавшиеся теоретически разобраться с происходившими в СССР процессами. В этом смысле интерес представляют повесть Н.Н. Вильямса «Остров ГНИИПИ» и статья Краснопевцева «Основные моменты развития русского революционного движения». Возникшее в Шестидесятые годы диссидентское движение отличалось от первых оппозиционных групп тем, что оно было, по существу, морально-этическим, глубоко личностным, не системно-теоретическим. В этом плане между движением конца 50-х и 60-х гг. XX в. нет преемственности, а потому подводить то и другое под общий термин «диссидентство» кажется ошибочным: хотя и те, и другие были несогласными, они исходили из разных принципов. Это скорее поколенческий разрыв.

Ключевые слова: мыследействие, мораль, диссиденты, Николай Николаевич Вильямс, «Остров ГНИИПИ», реферат, Краснопевцев, самодержавие, вождизм, поколенческий разрыв.

Об оттепели, философии и идеологии

1960-е – это было время переломов сознания, вообще всей жизни.

В эти годы была сделана попытка возрождения философии, хотя в основном и в образе марксистской философии (когда историки и философы, социологи желали заново прочесть и понять Маркса после долгих лет его пребывания в монографиях, статьях и учебниках в виде ленинизма-сталинизма), но эта попытка была прервана: появление активно выражаемого инакомыслия, волнения в некоторых странах народной демократии, завершившиеся «пражской весной» и вторжением в Чехословакию, привели к ликвидации ростков философского самоизъявления, как и ростков правосознания. Но если последнее стало всё-таки проявляться (в одиночку и малыми группами), то первое уничтожалось на корню. Так были ликвидированы сектор методологии истории, возникший в Институте истории РАН, под руководством М.Я. Гефтера, затем сектор теории и методологии Ю.А. Левады в Институте конкретных социологических исследований.

Шестидесятники – люди разные, все перенесшие и испытавшие. Люди, вернувшиеся с войны и во многом поддерживавшие общий ещё сталинский курс жизни, даже растравлявшие его: в «Литературной газете» были напечатаны статьи и рецензия Гефтера и А.Я. Грунта под псевдонимами Р. Самойлов и А. Громов «против буржуазного объективизма», подоспевшие к началу борьбы с космополитизмом [Неретина 2005]. В более поздние годы стало известно о работе В.С. Библера в СМЕРШе (материалы об этом были опубликованы в Vox. Философский журнал. 2020. № 19). Шестидесятые для многих людей – годы молчания, когда они выступали на довольно-таки широких семинарах, писали для ими спровоцированных сборников, но сборники не выходили: одни рубились на стадиях после вёрстки, другие доходили до утверждения Учёным советом, но не утверждались – для них это время-0. С этими людьми происходила та самая перемена ума, о которой говорили древние греки, сопровождавшаяся раскаянием, сожалением, *самоизменением*, что позволило им в конце концов стать моральными авторитетами. Лишь к концу Шестидесятых появились серьёзные работы: Библер совместно с А.С. Арсеньевым и Б.М. Кедровым выпустил книгу «К анализу развивающегося понятия (М.: Наука, 1967), Гефтер и в 1950-х, и в первой половине 1960-х писал о русском империализме и топливном кризисе (темы, сейчас, как никогда актуальные, но сейчас Гефтера нет, а тогда, когда он был, они его уже не слишком интересовали). Только в конце 1960-х позволил себе выразить себя в статьях «Страница из истории марксизма начала XX века» в признанной крамольной книге «Историческая науки и некоторые проблемы современности» (М.: Наука, 1968), эссе о Гамлете, которое он писал для «Нового мира», тогда уже утопающего.

Я, разумеется, пишу о тех, с кем меня столкнула личная судьба. В это же время много и продуктивно работали И.К. Пантин, Е.Г. Плимак, В.Г. Хорос, которые участвовали в семинарской работе сектора Гефтера, а Пантин был его сотрудником. Но это касалось и многих других историков, философов, историков философии, занятых в основном исследованиями Маркса и Гегеля или искавших религиозных путей. В то время была известна другая философия – М. Хайдеггера (о нем писали и его читали П.П. Гайденко и друг Гефтера А.П. Огурцов), К. Ясперса, французская философия в её экзистенциальном (Ж.-П. Сартр) и структуралистском вариантах, которые в основном были известны по рефератам, издававшимся сперва в ФБОН (Фундаментальной библиотеке общественных наук), а затем, с 1969 г., в ИНИОН (Институте научной информации по общественным наукам). Это было время *рефератов*, открывавших мировую философию. Одним из тех, кто снабжал жаждающую публику рефератами философских книг был В.В. Бибахин: с них началось его «философское дело».

Термин «шестидесятники», на мой взгляд, не выражает сути открывшегося после XX съезда КПСС дела. Этот термин – плагиат, свидетельство равнодушия и даже любви к прежней раннедемократической и народовольческой мысли, тем более что в Издательстве политической литературы в 1968 г. была открыта серия «Пламенные революционеры», где буквально через три года были выпущены книги лучших опальных писателей – В.П. Аксенова, А.Т. Гладилина, Б.Ш. Окуджавы, Ю.В. Трифонова и пр.

Сейчас – в условиях СВО – происходит наш расчёт с советской властью и с СССР. Цель этой статьи – показать, как философия начала быть востребованной почти сразу после Второй мировой войны – в том числе теми, кто о ней не помышлял, более того, относился настороженно, считая её или никчёмным или опасным делом, а то и тем и другим вместе. Люди 1950–1960-х гг., заинтересованные разобраться в до- и послевоенной жизни, подвергли анализу историю своей страны, небывалой страны СССР, считавшей, что она построила новое социалистическое общество, и сомневавшиеся в этом, выдвигая разные – в том числе курьёзные – объяснительные идеи. Их философские или историко-философские идеи остались невостребованными; забытыми оказались и иные литературные произведения, хотя они дали толчок развитию определённых «иронических» жанров.

Расчёт с СССР производился в том числе через анализ мыследействий, направленных на борьбу с властью, мыследействий, как правило, называемых диссидентскими, история которых исследована мало, хотя собрано – благодаря уничтоженному Мемориалу – множество документов. Философский интерес к их деятельности обусловлен тем, что мысль, если она мысль, всегда нова, и потому человек обречён на противостояние самому себе, другому человеку или обществу, поскольку он политическое и социальное живое существо. Само существование человека мыслящего – мощное основание для оппозиционных действий. Все разговоры о некоей трансляционности развития не имеют под собой философского основания и напоминают грёзы Манилова.

Но мысль обладает и другой способностью, связанной с дифференцией исторического развития: способностью овладевать массами постепенно, «через длительный контакт» разнокультурных социальностей, «когда различные по генезису сообщества живут бок о бок... выработывая свою матрицу контактов и навыков» [Петров 2004: 122], образуя то, что называется обычаем – **одним и тем же** и что становится идеологически застойным. И именно это начинает образовывать то, что в позитивном праве называется нормой, закреплённой в УК. Как говорил Библер, если целенаправленно вводить в массовое сознание некую «мощную интегрирующую идею (чем проще, тем лучше), происходит кристаллизация» множества идей в одну [Библер 1990: 271]. В первом случае речь о свободе мысли и т. д., во втором – об идеологии, жёсткой системе стереотипов, умеющей фильтровать и устранять чуждые мысли.

Философия и идеология – обе взращены самой мыслью, самой способностью мыслить, но это не одно и то же. Этим внутренним спором мысли обусловлены положительные и негативные черты любой социальной деятельности. Один и тот же человек и философичен, и идеологичен. Мы плохо представляем себе влияние **идей** на человеческую жизнь, на тот способ (метанойя), каким происходит перелом, и ты становишься другим. Появление людей-одиночек-оппозиционеров не случайно в любые периоды нашей жизни. Удивительно, но ментальная жажда оппозиции заставляла создавать её даже на голом месте (правый блок, левый блок, троцкистско-зиновьевский и пр.). Многие диссидентские группы оказались группами, не будучи таковыми, спровоцированными КГБ (например, группа Революта Ивановича Пименова¹). *Диссиденты – это порождение 60-х*, несогласие с прежней идеологией было главным и в философии. Права человека, проблема свободы, что такое человек («родословная альтруизма») – это философские проблемы, практически разворачиваемые вне философии людьми, становившимися философами или изучаемыми, читаемыми и почитаемыми философами.

Сейчас существует даже классификация диссидентских групп: социал-демократы (братья-близнецы Ж.А. и Р.А. Медведевы), либералы (А.Д. Сахаров), почвенники (А.И. Солженицын), правозащитники (С.А. Ковалев, Г.П. Якунин, Л.И. Богораз, Л.М. Алексеева). Концом диссидентского движения некоторые считают начало войны с Афганистаном, но, судя по многим открывающимся делам, в частности делу Л.Б. Тумановой, оно продолжалось до сере-

¹ Математик Пименов единолично занимался анализом действительности, вышел ещё в 1949 г. из ВЛКСМ, назвал доклад Н.С. Хрущева «исповедью политического труса», обсуждал «Не хлебом единым» В.Д. Дудинцева, что вызвало скандал на филологическом факультете тогдашнего ЛГУ. Был подлый разговор с ректором А.Д. Александровым, который как бы не был антисемитом, считая, что с евреями обращаются плохо, но вот задача: что делать, если они все изменники? Во время венгерских событий Пименов писал письма депутатам Верховного Совета СССР с требованием отозвать войска из Венгрии. Не считать же «кружком» или «группой» то, что они со студентами (прийти мог любой из них) изучали историю? К «как бы не антисемиту Александрову» можно сделать такую ремарку. Н.Н. Вильямс, математик-диссидент, муж Л.М. Алексеевой, о котором речь ниже, писал в «Воспоминаниях»: «У меня был друг, человек необыкновенных дарований, но здорово тронувшийся на национальных проблемах и в итоге усиленных размышлений на этот счёт открывший, что во всём, что есть, повинны евреи. Это и было и сейчас является не такой уж редкостью среди московской образованной публики. В основе такого поведения должно было быть нечто, а по психологии многих тех, кто этим интересовался, это нечто могло быть только нечистотой расы» [Вильямс 1987].

дины 1980-х. К тому же, кажется, можно выделить отдельно группы и аутсайдеров-одиночек, теоретиков и просто свободолюбивых людей. Были диссиденты-отказчики от советской идеологии, шедшие в тюрьмы и лагеря (А.Т. Марченко), национальная оппозиция (В.С. Мейланов), оппозиция религиозная (Д.С. Дудко, А.В. Мень), марксистское-антисталинское направление (Л.В. Карпинский), даже партийное инакомыслие (парторганизация Института истории АН СССР, защищавшая позиции историка А.М. Некрича, что привело к разделу Института надвое). Не говоря уже о профессионалах-гуманитариях и естественниках, которых заставляли уехать из страны (того же Некрича), профессионалах, которых не заставляли уехать, но за которыми постоянно следили, инакомыслящих (в основном все философские группы), желавших работать не по заказу, увольняемых с работы и пр. Как правило, все перемешивались (Туманова начинала как сотрудник профессионального философского кружка Библиера, но стала диссидентом-правозащитником – «способом узнала их иным»).

Мы сейчас даже вообразить себе не можем, чем стал XX съезд КПСС и доклад Хрущева для наших судеб, который для многих означал приход в сознание. Но шлюзов он открыл много. Международный фестиваль молодёжи и студентов 1957 г., международный конкурс им. Чайковского, возвращение в музейные залы импрессионистов, самостийное чтение стихов у памятника Маяковскому. В воздухе пахло не грозой, а свободой. В школе спрашивали о репрессиях, об ужасах ГУЛАГа, получая невнятные ответы. Лучший учитель истории всех времён и народов, почётный гражданин города Москвы Леонид Исидорович Мильграм, директор, как считается, лучшей столичной школы, бывший у нас учителем истории, отвечал на наши расспросы невнятно, были, мол, перегибы, но партия все же – наш рулевой. По слухам, очень переживал катастрофу с КПСС.

Многими **именно это время** было воспринято как «Оттепель», случившаяся, однако, чуть раньше, с доклада Н.А. Булганина в 1955 г. о состоянии экономики в СССР, с начавшегося в то время изучения документов не столько Французской Компартии, но – прежде всего – польской и итальянской (большую роль в этом сыграла К.Ф. Мизиано), в которых звучали слова «тирания» и «деспотия». Все это вместе сработало так, что доклад Хрущева на XX съезде (14–25 февраля 1956 г.) был воспринят как разрыв с карательной системой Сталина. Хотя уже и в то время многих насторожил роспуск целых парторганизаций за неправильное якобы освещение событий на XX съезде. Менее, чем через два года (12 декабря 1957 г.) появился документ «Об усилении политической работы парторганизаций в массах и пресечении вылазок антисоветских враждебных элементов», знаменовавший, как иногда считают, **конец оттепели**, когда на основании этого документа люди отправлялись прямо в лагеря. Существовало подозрение, что это провокация КГБ.

Я хочу рассказать о двух мало и плохо известных группах, возникших одна по ребячеству, другая – вполне сознательно. Но прежде необходимо напомнить, что **на деле** сопротивление сталинщине началось не с XX съезда (он кристаллизировал возникшую необходимость) и даже не с доклада Булганина, а почти сразу после войны. Мы сегодня говорим о шестидесятниках, которые были как бы детьми XX съезда, который дал сделать «глоток свободы», и они его сделали. Но это новое поколение людей стояло на плечах пятидесятников, а то и роковых сороковых, а все вместе они ко всему прочему пережили два советских вторжения в страны, не «сладившие» с социализмом – в Венгрию и Чехословакию. Это неслабый перевал, здесь могло все измениться, хотя изменилось немного, но подготовка к изменению, прежде всего сознания множества людей самых разных слоёв, началась. О Чехословакии знают все. О событиях в Венгрии забыли или почти забыли, тем более о протестах против советского вмешательства в жизнь этой страны, хотя одним из таких «протестантов» был философ, участник Московского методологического кружка, один из зачинателей вместе с В.Н. Садовским и И.В. Блаубергом системных исследований Эрик Григорьевич Юдин (1930–1976). Десятилетний срок он получил лишь за предложение на партсобрании высшим партийным органам предоставлять систематическую информацию о своей деятельности – о Венгерских событиях в том числе.

Первые оппозиционеры

Первые послевоенные начинатели протестного движения (иные из них и его завершители) – одиночки, их роль особенно интересна. Ибо они были обличителями, выполнявшими в XX в. своего рода Радищевскую функцию: «Я взглянул окрест меня – душа моя страданиями человечества уязвлена стала. Обратил взоры мои во внутренность мою – и узрел, что бедствия человека происходят от человека, и часто от того только, что он взирает непрямо на окружающие его предметы» [Радищев 2006]. Функция эта изначально не была вполне осознанной.

Так, один из первых – Николай Николаевич Вильямс (1926–2006) – внук академика-почвовед и агронома Василия Робертовича Вильямса, сын профессора-химика Николая Вильямса, бывшего заместителем директора Тимирязевской академии по учебной работе. Сам он после многих мытарств стал преподавателем математики. Мытарства, воспринятые изначально как удивление, начались, однако, с детства, с 3 «Б» класса, куда он поступил в 1936 г., минуя первый класс. «Впечатления от первых дней в нашем 3-м «Б» классе были необыкновенно острыми. Я как-то вошёл в мало известный мне ранее круг, и круг идей, если угодно, и как-то начал становиться в этом кругу своим, и происходило это так быстро, что сравнить это я могу только со своим, не таким уж далёким, будущим попаданием в тюрьму и лагерь. Оказалось, что не только не все живут как мы, а что интересы многих очень разнятся от моих» [Вильямс 1987].

В 1946 г. Вильямс, студент Московского химико-технического института им. Д.И. Менделеева вместе со студентом того же института Владимиром (Леопольдом) Медведским и студентами МГУ Юрием Цизиним, Львом Малкиным и Юрием Гастевым² были арестованы за создание в 1945 г. выдуманной ими организации «Братство нищих сибаритов» и создание взрывчатого вещества, названного «*банитом», сила которого была проверена на бюсте Сталина в холле Тимирязевской академии. За «контрреволюционную деятельность» Вильямс получил 7 лет лагерей и 3 года поражения в правах (срок был сокращён впоследствии до 5 и 2 лет соответственно). Уже позже, вынося по преданию мусорное ведро, сочинил куплеты песни «Коммунисты поймали парнишку» (одного из самых ранних произведений Самиздата), впоследствии спетой Борисом Гребенщиковым. Песня пародировала народную песню с народными именами (машинистка-подпольщица Клава), с противопоставлением Ленина парнишке, фамилия которого по одной из версий была Ульянов, ставила клеймо на интернационализме, с которым некогда связывали СССР (парнишка Володя Ульянов уехал в результате в Израиль), и на КГБ, главном карающем органе страны, провозгласившей диктатуру пролетариата, который изображался как орган «пролетарских палачей». Государство, созданное во имя рабочих и крестьян, представлено вырожденным в полную свою противоположность. Общественная лексика и возвышенные характеристики («юный герой»), соседствуя, создают уникально-ироничное, даже пренебрежительное отношение к «экспериментальной» системе социализма. Разумеется, песня написана уже в Шестидесятые, но мысль оттачивалась на бюсте Сталина в холле Тимирязевской академии.

На сайте Вильямса размещены его стихи, повесть «Остров ГНИИПИ», Воспоминания, пьесы (одна из них «Алкоголики с высшим образованием» посвящена Платону, Гиппию и Ерофееву), дышащие неподдельным талантом и желанием их написать.

Вот текст сейчас мало кому известной, а скорее неизвестной песни:

Коммунисты поймали парнишку,
Потащили в своё КГБ.
«Ты скажи нам, кто дал тебе книжку,

² О нем и об этом аресте см.: Бирюков 2010.

"Руководство к подпольной борьбе"?
 Ты зачем совершал преступления,
 Клеветал на наш ленинский строй?»
 «С**** хотел я на вашего Ленина», –
 Отвечает им юный герой.
 «Пусть мне очередь в лагерь настала.
 Лагерь и тюрьмы не боюсь.
 Скоро стая акул капитала
 Растерзает советский союз.
 И свободного общества образ
 Скоро всем нам откроет глаза.
 И да здравствует частная собственность!» –
 Он, зардевшись, в лицо им сказал.
 Парня этого звали Володя
 Он вчера попросился в Израиль
 (второй авторский вариант окончания:
 «Парня звали Ульяновцев Володя,
 Он сегодня уехал в Израиль»).

Вильямс писал стихи спорадически, не дописал воспоминаний, но создал произведение, которое сам назвал «моделью реальной жизни». Эту модель они с другом начали создавать в последние годы войны, когда им было по 17 лет. Называлось оно «Остров ГНИИПИ», ставший прообразом многих «островов» («Утопии», например, или «Острова Крым») и «зияющих высот». ГНИИПИ – это государственный научно-исследовательский институт полового извращения. Само название – старый аналог современных веяний не только по поводу этих самых извращений, подтверждающий, что новое – хорошо забытое старое, но самого устройства жизни. «Густые леса, бескрайние степи, синие озёра, могучие реки, полезные ископаемые в изобилии представлены на острове. Климатических зон и поясов нет. Летом жара в тени доходит до 1076 градусов по Цельсию, зимой температура достигает минус 933 градуса по той же шкале. Резкие температурные скачки заметно сказываются на психике обывателей. Так, агент государственной службы при минус 242 градусах теряет бдительность, при минус 459 градусах участвует в заговорах, а при минус 909 градусах попросту обращается в ледяной столп <...> Государство строго пресекало все до единого поступки гнииповцев. Гнииповец, повинный в стоянии в подворотне, карался семью годами общения... его можно понимать как высшую меру. Гнииповец, заподозренный в образе мыслей, карался сотней годов общения; уличённые в публичном или приватном исполнении песни "Семь лет не жрал я, братцы" получали двести годов; уличённые в исполнении песни "Сто лет не жрал я, братцы" получали четыреста годов; уличённые в исполнении песни "Всю жисть не жрал я, братцы" получали девятьсот годов, и так далее. Эксперты точно определяли на суде, сколько именно лет не жрал обвиняемый, так что обвинение в крамоле часто сопровождалось обвинением в клевете. Нельзя сказать, чтобы суровые меры против крамолы не давали эффекта. Но почти всегда на улицах громко горланил какой-либо маниак, уведомляя общественность о том, сколько лет он не жрал» [Вильямс 1987].

Главное событие ГНИИПИ – переворот, смысл которого в том, что он «невиданный в истории». Во главе этого «самого гуманного государства в мире» стоял человек по имени Феофан, у которого не было титула, но он считался благодетелем и «отцом родным», общение с его сыном Митькой (самозванцем или природным убийцей) считалось «узаконенной формой наказания». Жизнь в ГНИИПИ называлась зоологической из-за непрерывной борьбы человека с фауной, усиленной «идеологическими распрями». Главным органом внутренних дел была Специальная Уголовная Чрезвычайная Комиссия (СУЧКА), смысл деятельно-

сти которой состоял в том, чтобы «хватать гниповцев». Основанием схватывания был донос. Упомянуты даже требования справок о прививках не против ковида, правда, но против амутры – не исключено, что это тоже нехороший вирус. Государственные же преступники должны были писать программы, пользоваться «последовательностями умозаключений» (шарашки) и понимать, что все беды государства от того, что оно считает себя лучше всех.

Знание политологии, предьявляемое в повести, поразительно.

Совершенно очевидно, что семнадцатилетними гражданами в военное время описывалось вполне определённое государство, о котором мы привыкли говорить, что многое происходящее в нем было неведомо, – такие признания после XX съезда были нередки. В действительности это значит, что происходившее в нем происходило с ведома и согласия множества людей, что доклад на XX съезде был действительно «исповедью политического труса», и требовалась «смена аспекта» в анализе того, что совершалось в СССР.

Можно сказать, что сочинение Вильямса «с приятелем» можно отнести к примитивизму, к простому переназыванию утрированно выписываемой действительности. Но переназывание высвечивает сам предмет – Вильямс называет это «впуклостью». Из современных литераторов лишь В.Г. Сорокин использовал нечто похожее в «Дне опричника», но Сорокина называют постмодернистом, а Вильямс и слова этого в то время не знал, потому что его не было, но оказался на уровне самых ушлых современных филологов, выдумывая для сотрудников кафедр ГНИИПИ фамилии (Жерёбый, Корявый, Жареный, Грудастый, Живодер, Шиш, Чайник, Кровашкин и пр.), достойные пера известного переводчика Рабле Н.М. Любимова, продумывая метатезы (кинотеатр «Ударник» назван «Урядником», гостиница «Парадиз» «Паразидом»), определения (журналистика как канализация общественного мнения, а назначение канализации – не служить моделью журналистики), анализ речевых функций (бормотание, каковым является выражение «ум, честь, совесть нашей гордо называемой в честь эпохи», бляение, бессмыслица), описание и оценку методологии как «подстановку значений переменных в конечное число формул», не говоря уже о предвидении возникновения многосерийных фильмов. Анализ способов существования журналистики в «Острове ГНИИПИ» – один из самых точных анализов советских СМИ, где важны «не точность, а бдительность». Ибо это позволяет всякому получающему информацию на её основании мгновенно создавать правильный образ ГНИИПИ.

Стилистика концовки «Острова ГНИИПИ» отличается от стилистики всей первой части: она строже, она представлена как политический памфлет о том, что такое хорошо и что такое плохо в лучшей в мире стране.

Старый приём вербального замещения, плохо воспринимаемый эстетически, взывает, однако, к раскопкам древних корней сложившегося положения дел, к хтонической природе, к тому, что человек, с которым изначально имела дело власть, – сельский житель, вписанный в природу, а не политику. Он поэтому «первобытно безгрешен и природно жесток, наивен и хитёр – это вечный пасынок насилующей его «самость» цивилизации» [Булдаков 2010: 38]. Но анализ психоментальности у нас до сих пор не предусматривается, во всяком случае в философских исследованиях. Поэтому *философский* анализ общества, сходный с анализом Томаса Мора, Е.И. Замятина, А.А. Богданова или Дж. Оруэлла, сделанный математиком Вильямсом с использованием метода художественной аналогии, оказался востребованным неявным – другим, как говорила А.А. Ахматова, – способом, созданием иронической прозы.

Оппозиция профессионалов-историков: группа Краснопевцева

Вторая группа возникла как группа с осознанными целями уже после XX съезда. Это группа профессиональных историков, действовавшая в 1956–1957 гг., выступала не против советской системы, а с желанием её улучшить на основе *ленинизма*. Это была группа, теоретически разрабатывавшая новые основы социалистической жизни и подвергавшая критиче-

скому анализу предшествующее народовольческое и социал-демократическое движение. Никто из ее участников впоследствии не стал диссидентом-правозащитником, хотя всегда готовы были к их моральной поддержке.

Группу Краснопевцева (1930–2021) иногда называют группой Краснопевцева-Ренделя или даже Союзом патриотов, что было, однако, не названием группы, а подписью под листовкой вместо фамилий. Мы, поступившие на истфак через год после её разгона и ареста, о ней не знали, характеристики, данные Краснопевцевым молодёжи (комсомольцам!) этого времени, что она якобы чуралась старых комсомольских норм доносительства³, с нашими не совпадали (у нас такие дневники даже выкрадывали). О группе в 9 человек (Л.Н. Краснопевцев, Л.А. Рендель, Н.Г. Обушенков, В.Б. Меньшиков, М.А. Чешков, М.С. Гольдман, Н.Н. Покровский, В.М. Козовой, М.И. Семененко – это только те, кто был арестован, были и другие, такие, как Н.Я. Эйдельман, участия которых не удалось доказать) не говорили даже в 1960-е гг. в секторе методологии истории, руководимом Гефтером, хотя в секторе работали или активно в нем участвовали бывшие сотоварищи Краснопевцева, студенты, аспиранты и молодые преподаватели, или ему сочувствовавшие старшие по возрасту преподаватели (Каролина Франческовна Мизиано и Ефим Наумович Городецкий (1907–1993), Глеб Алексеевич Алексеев, который потом, уже в 1990-е хотел написать о них книгу, подал заявку в РГНФ, но заявка не была поддержана. Именно Глеб Алексеевич передал нам с А.П. Огурцовым статью одного из участников группы Ренделя (1925–1989) «Сталин против Энгельса», и мы опубликовали её в 1993 г. в сборнике «Наука и тоталитарная власть» [Рендель 1993]. Всплывали только имена Н.Н. Покровского и Н.Я. Эйдельмана.

Почему об этой группе не было услышано? Во-первых, группа была подпольной. Идея подпольного общения витала в воздухе, видимо, как наследие революции и пропаганда революционного образца жизни, но как долго она держится! *То есть как долго длится угроза тюрем и лагерей!* Во-вторых, в группе были претензии на роль лидеров массового народного движения, была болезнь вождизма, нетерпимости, которая сыграла трагическую роль в развале группы уже в лагере. Следствие и наказание оказались в этом бессильны. Но унаследованная от ленинизма родовая болезнь развела всех друг от друга в разные стороны на всю оставшуюся жизнь. А в Шестидесятые это было уже неприемлемо. В-третьих, и это главное, история и философия – несмотря на то, что обе испытали репрессии начиная с революции, – оказались в бóльшем идеологическом плену, чем свободные художники (хотя это было свойственно и им, см. хотя бы стихи Р. Рождественского или первые «комсомольские» повести Василия Аксенова). Ясно, что свободные художники эти были надменны – они учились выстаивать и противостоять. Могут сказать, что и мы, тогда молодые люди, узнавая про эти эксцессы, происходившие на глазах (восстание 1956 г. в Венгрии и волнения в Польше, похоронившие миф о единстве соцлагеря) и негативно относившиеся к насилию над ними, также были надменны и своего рода «подпольны». Иные были, по словам одного участника группы Краснопевцева, поэта В.М. Козового, тогда студента, «остервенелы» [Козовой 1992].

Ни о какой свободе мысли и слова речи не было, но было желание свободно мыслить и говорить, для чего вырабатывался особый жаргон и жестикация.

Создание группы определялось четырьмя факторами: 1) «ужасной действительностью» тех лет, 2) истфаковской школой объективного анализа исторических событий, 3) этическим фактором, 4) попыткой определения своеобразного пути России [см., например, Дело молодых историков... 2010: 405].

Лев Николаевич Краснопевцев, в 1952 г. окончивший исторический факультет, был аспирантом, секретарем комитета комсомола, когда организовал подпольный марксистский

³ На историческом факультете «в самые тяжёлые времена, – говорил он, – никого не выдавали на расправу, защищали и отстаивали даже тех, кто осмеливался поддержать "профессора-космополита" или неосторожно оставял в общежитии свой дневник с "клеветническими" записями» [Дело молодых историков... 2010: 381–382].

кружок (1956–1957), хотя из свидетельств Козового и Гольдмана [Гольдман 1997] следовало, что эта подпольность была в некотором смысле опереточной. Но иным кружок и не мог быть: *ведь речь о марксизме!* И все же они начали свою *подпольную* деятельность с разбрасывания 300 экземпляров антихрущевской листовки, смысл которой даже не в требовании восстановления нормальной человеческой жизни, а в том, чтобы *прервать старую идею реформирования сверху – не сверху уничтожить «военный коммунизм», как они называли строй Пятидесятых годов XX в., а новыми силами снизу, силами общества.* После разбрасывания листовок и были произведены аресты. *Не во время обсуждения платформы сопротивления, выраженной в статье Краснопевцева «Основные моменты развития русского революционного движения», а именно после совершенного действия.*

Написано об этой группе немного. Наиболее информативно (из первых рук) запись круглого стола в ж. «Вопросы истории», перепечатанного в книге «Подвластная наука?», а ещё раньше мы в сборнике «Наука и тоталитарная власть» опубликовали статью Ренделя «Сталин против Энгельса»⁴.

На деле сопротивление этих друзей сталинщине началось почти сразу после войны. А уже в 1951 г. Краснопевцев «в ходе работы над дипломом о крестьянском движении в России в 1917 г. ... впервые разошёлся с большевизмом в оценке партий российской демократии и их исторических заслуг в борьбе с самодержавием и за прогресс страны. Реальный исторический материал опрокидывал ленинские оценки и образы врагов. Исторический мир расширился, в нем, кроме Ленина, очень впечатляюще действовали на равных и Милюков, и Чернов, и Плеханов, и Керенский, и сотни других» [Дело молодых историков... 2010: 383]. Переходу «за роковую черту» способствовали работы Сталина по языкознанию и экономике социализма. «Грубые и примитивные рассуждения Сталина о базисе и надстройке в его работе "Марксизм и вопросы языкознания"» вызывали недоумение и «приводили к выводу о неаучности самой постановки вопроса о первичном и вторичном в природе и человеческом обществе» [Там же: 384].

А «брошюра Сталина "Экономические проблемы социализма в СССР", можно сказать, втолкунула» членов группы «в центральную проблематику марксизма-ленинизма. Невиданные даже в нашей литературе того времени упражнения Сталина на тему товара и стоимости вызывали одновременно и смех своим уровнем, и ужас перед первобытным насилием над экономикой» [Там же]. Тогда и пришел черёд обращаться за разъяснениями к Марксу и Ленину, с одной стороны, и Адаму Смиту – с другой. «Через некоторое время рухнуло все воздвигнутое Марксом сооружение, в котором под именем социализма соединялись товар и стоимость с диктатурой пролетариата, насильственно экспроприрующей... эту стоимость во всех видах вплоть до стоимости рабочей силы самого пролетариата» [Там же]. Сначала – это видно и по воспоминаниям Гефтера – такую работу проделывали единолично, затем стали советоваться с друзьями, создавалась своя творческая лаборатория, постепенно расширявшаяся за счёт новых участников.

Считается, что 1957 г. – 1962 г. – период, открывший литературные шлюзы. Считается также, что по-настоящему испытывать свободу стали не философы, а писатели, художники и киношники. Но этот же период стал временем закрытия историко-философской мысли отдельно взятых мыслителей и политических деятелей, готовившихся принять свою судьбу, как принял её венгр Имре Надь, отчего и возникло впечатление о примате свободы у литераторов. Этот период, с историко-политической точки зрения, был двусмысленным: одной рукой нечто открывалось, другой практически и надолго закрывалось в прямом смысле слова: химии и математики, историки – студенты, аспиранты и молодые преподаватели *подвергались арестам*: листовки и протоколы допросов позволили узнать, что именно заключалось

⁴ На круглом столе присутствовали Краснопевцев, Обушенков, Меньшиков, Чешков, Гольдман. Покровский прислал письменное выступление, Рендель к тому времени скончался, отсутствовали Семененко и Козовой, который, судя по его интервью [Козовой 1992], не желал подробно рассказывать о своих бывших друзьях.

в записях, которые велись гораздо раньше свершившихся дел. Из записей узнавалось, какими были внутренние разногласия, например, в группе Краснопевцева, настолько сильные, что, выйдя на свободу, не все поддерживали друг с другом связи⁵. Какие обсуждались серьёзные вещи, не потерявшие остроты и по сей день: тезисы о вредности тотального огосударствления экономики и культуры, о необходимости создания самодействующих экономических механизмов и реального самоуправления, об осуждении нечаевщины XIX–XX вв. и проч. Освободили Краснопевцева в 1968 г., когда ушла в небытие оттепель и началась другая жизнь.

Смысл этого первого этапа послевоенного аутсайдерства заключался в том, что не произошло формального разрыва с марксизмом, но выявилось твёрдое неприятие многих понятий, например, общенародной собственности, теория которой, как считали историки, имеет только политический (классовый) смысл. Сейчас это – ликбез, но тогда это было открытием. Но представление, что «у хозяйства, в котором занят хотя бы один миллион населения, не может быть один хозяин: это хозяйство будет разворовано, и один хозяин это воровство не сумеет остановить» [Дело молодых историков... 2010: 386] – это не ликбез, а фиксация неизбежности коррупции.

Полного противопоставления системе у группы историков, в отличие от Вильямса, однако, не было. Область марксистско-ленинской догматики была сильно охраняемой крепостью, когда любые попытки самостоятельного подхода автоматически выбрасывали человека из науки и общественной жизни.

Что лично меня привлекло в этой работе? 1) Красноперцев выделил два вида самодержавия, прокладывавших единый путь развития России: «белое дворянское самодержавие Романовых и растущее и крепнущее... красное самодержавие Нечаева – Желябова – Ленина» [Там же: 391]. Речь именно о противостоянии *самодержавий*. Они вместе вели «многолетнюю согласованную борьбу, борьбу этого союза, против либерально-демократических сил России и обеспечили в благоприятной обстановке военных разрушений экономики и государства казавшийся невероятным переход власти от Николая Романова к Николаю Ленину за восемь месяцев 1917 года». Заменяли «одно насилие над экономической и социальной жизнью России другим, гораздо более тяжёлым» [Там же]. 2) «В России все революционные партии и идеологии – это синтез пугачёвщины и разинщины с Евангелием. От Разина – тактика и стратегия, отношение к другим партиям и классам. От Евангелия – внутрипартийный режим, послушание низов социал-демократическому мессии – Ленину» [Там же: 392]. Заметим, это сказано комсомольским деятелем, не читавшим в то время ни Н.А. Бердяева, ни С.Н. Булгакова, т. е. задолго до их переиздания в 1990-е годы. Трактровка большевизма как главного союзника и преемника российского самодержавия исключала его разделение на ленинизм и сталинизм, требовала полного отказа от того и другого. И 3) фиксация *разрыва* не между разными классами, а между «верхом», к которому относилась и вся номенклатура, и «низам» – интеллигенцией, рабочими и пр. Эти мысли весьма отличаются от магистрального объяснительного пути русской революции, ведущегося от Просвещения и французской революции.

Чем, однако, отличается история 1950-х от будущего диссидентства, гораздо более широкого как движение (1962–1985)? В группе Краснопевцева приоритет отдавался науке, ибо наука давала глубину понимания ситуации, а возбудители протеста, как считалось, были во круг: экономика, идеология, политика, юриспруденция. Проблемы, возникающие в обществе, могли решаться не порознь (это было бы лишь латанием дыр), а совокупно. Научный подход к общественному изменению резко отделяет, по существу, конец 50-х – начало 60-х годов от последующего периода – движения диссидентов. Этим и был, в частности, – но

⁵ Как писала в письме к уже упомянутому Револьту Пименову Ирэна Вербловская: «Смотреть с перспективы веков и тысячелетий на свою судьбу с её превратностями можно, но с какой перспективы смотреть на бесчисленные досадные повседневные мелочи?!» [Пименов 1996: 112].

в какой частности! – обусловлен меньший размах сильного выступления большой группы Краснопевцева. И это же объясняет отсутствие преемственности между двумя десятилетиями движения несогласных. Краснопевцев называл диссидентское движение болезнью века. Поколение Шестидесятых пошло по другому пути, их деятельность была вызвана иными делами – не общетеоретическим анализом революции и социализма, а частным произволом: судами над литераторами, запретом публикаций за границей, унижением личного достоинства. Это было, по существу, морально-этическое, глубоко личностное движение, путь правозащитников. «Жить не по лжи» – вот его суть, путь не менее трудный, хотя есть смысл и в другом его обозначении – как более лёгкий (этот момент нуждается в продумывании, потому что, как показала практика – прежде в лице Репетилова, а недавно в лице президента Б.Н. Ельцина: можно говорить, что хочешь, или *шуметь*, только не *делать*). Это иной путь – не системный, личностный. Именно в этом плане нет преемственности между движением конца 50-х и последующим, а поэтому подводить то и другое под общий термин «диссидентство» мне кажется ошибочным: хотя и те, и другие были несогласными, они исходили из разных принципов. Это скорее поколенческий разрыв.

Бирюков Б.В. 2010. *Трудные времена философии. Юрий Алексеевич Гастев: философско-логические работы и диссидентская деятельность*. – М.: Книжный дом «Либроком», 2010. – 160 с.

Булдаков В.П. 2010. *Красная смута. Природа и последствия революционного насилия*. – М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010. – 967 с.

Вильямс Н.Н. 1987. *Воспоминания*. – Доступно: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&ved=2ahUKEwjAlOrNzeL8AhWJVPEdHeHNAK0QFnoECBUQAQ&url=http%3A%2F%2Fnikolaywilliams.com%2Findex.php%2Fmemories&usg=AOvVaw3HnJgYV_pk7b-8T4IP7jfG. – Проверено: 25.01.2023.

Гольдман М.С. 1997. «Не этому меня десять лет в комсомоле учили...» – Интервью вёл С. Романов. – *Карта*. – № 17–18 – С. 56–57. – Доступно: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&ved=2ahUKEwjTl5ayq-X8AhVwkIsKHU2VC58QFnoECB4QAQ&url=https%3A%2F%2Fwww.sakharov-center.ru%2Fasfcd%2Fauth%2F%3Ft%3Dpage%26num%3D10598&usg=AOvVaw3VxLpH_R39C1oVqoEKsrwa. – Проверено: 25.01.2023.

Дело молодых историков... 2010. *Дело молодых историков (1957–1958 г.)*. – *Подвластная наука? Наука и советская власть*. – М.: Голос. – 815 с.

Козовой В.М. 1992. *Интервью с В.М. Козовым*. – Доступно: <https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&ved=2ahUKEwjqs3dwOX8AhXI-yoKHZcDBdA4ChAWegQIFBAb&url=https%3A%2F%2Farch2.iofe.center%2Fperson%2F18834&usg=AOvVaw0EtrllzASOC4Caqj6qHy7G>. – Проверено: 25.01.2023.

Неретина С.С. 2005. *Точки на зрении*. – СПб.: РХГИ.

Петров М.К. 2004. *Язык, знак, культура*. – М.: УРСС.

Пименов Р.И. 1996. *Воспоминания: В 2-х т. Т. 2*. – М.: Панорама. – Доступно: <https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&ved=2ahUKEwjrgsid47P8AhVxlYsKHdsoCVIQFnoECBgQAQ&url=https%3A%2F%2Fwww.sakharov-center.ru%2Fasfcd%2Fauth%2F%3Ft%3Dpage%26num%3D9651&usg=AOvVaw3NKX6ZSRvGCruT84c54JgX>. – Проверено: 25.01.2023.

Радищев А.Н. 2006. *Путешествие из Петербурга в Москву*. – <https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&ved=2ahUKEwiEh721qOL8AhUH4sKHaVxDAo4MhAWegQIBxAb&url=https%3A%2F%2Fflibusta.org.ua%2Fb%2F149528&usg=AOvVaw3FKzf-s8CPLWWLchTx2ox2>. – Проверено 25.01.2023.

Рендель Л.А. 1993. Сталин против Энгельса. – *Философские исследования. Наука и тоталитарная власть.* – № 4.

Вох. Философский журнал. – 2020. – № 19.